

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. СТЕПАНОВ

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЭТНОГРАФИЯ

(1845—1861)

В 1855 г. великий русский демократ-революционер Н. Г. Чернышевский в рецензии на одно из изданий Русского географического общества писал: «Деятельность Географического Общества, приносящая столько пользы русской науке, давно уже возбуждает в публике сочувствие, которое должно почитаться совершенно заслуженною наградою его неутомимых трудов»¹. И это не единственное свидетельство внимания Чернышевского к деятельности Географического общества. Ряд рецензий дан был им как на повременные издания, так и на отдельные монографии, выпущенные Обществом. С особенным вниманием относился Чернышевский к деятельности Русского географического общества в области этнографии².

Этнографическая работа с самого возникновения Географического общества заняла в его деятельности прочное и видное место. Место это сохранилось и позже, на всем протяжении столетней истории этого важнейшего русского научного учреждения.

Время с 1845 по 1861 г. может быть выделено как особый и один из интереснейших периодов в истории РГО. Периодизация истории Общества, предложенная в свое время П. П. Семеновым Тян-Шанским в его известном юбилейном издании «История полувековой деятельности Русского Географического Общества, 1845—1895» (три части. СПб. 1896), носит сугубо юбилейный характер и вряд ли может быть принята при научном изучении деятельности Общества. Какую бы роль в организационной и идейной жизни Общества ни играли те или другие его председатели³, деятельность Общества определялась прежде всего

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. I. П., 1918, стр. 416 (рецензия на «Отчет Русского Географического Общества за 1855 год»).

² Значение этнографической науки неоднократно подчеркивал Чернышевский. В замечательной рецензии на «Магазин земледелия и путешествий Географического сборник, издаваемый Николаем Фроловым», т. III, М., 1854, Чернышевский подробно развил свой взгляд на роль этнографической науки — см. Полное собр. соч., т. I. П., 1918, стр. 222—230. Об этнографических интересах Чернышевского см. Виноградов. Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского к пятидесятилетию со дня смерти. Сов. этнография, Сборник статей. 3, 1941.

³ Семенов Тян-Шанский, собственно, первоначально историю Общества по фигурам вице-председателей: вице-председателем был фактически руководителем, председателем Общества, так как официальный председатель — весь существующий фамилии Романовых — играл лишь номинальную роль.

общими историческими условиями. Выделение времени с 1845 по 1861 г. вполне оправдано с этой точки зрения. Это особый период в жизни Общества, когда оно развивало свою деятельность в условиях предреформенной России. Все писавшие о РГО подчеркивают его тесную связь на разных этапах его существования с широкими общественными процессами, с общественной мыслью, чуткость в постановке вопросов, значительную прогрессивную роль, которую оно играло в формировании и развитии русской общественной идеологии⁴. Положение это совершенно бесспорно, и верность его особенно ярко может быть проиллюстрирована на фактах из жизни Общества в предреформенный период.

В нашу задачу входит лишь рассмотрение работы Отделения этнографии РГО. Однако именно в деятельности Отделения этнографии наряду с деятельностью Отделения статистики, всего ярче отразилась эта черта, характерная в целом для РГО⁵. Отметим сразу же и еще одну сторону жизни Отделения этнографии за данный период. В статьях и трудах, вышедших из-под пера его деятелей, впервые, по существу, ставятся теоретические проблемы в русской этнографии как особой науке, формулируются ее задачи и уточняются ее связи и взаимоотношения с другими родственными отраслями научного знания. Здесь как раз пролегает столбовая дорога русской этнографии 40—60-х годов XIX в.

Уже в докладной записке «Об основании Русского географо-статистического общества», поданной 1 мая 1845 г. будущим вице-председателем РГО Ф. П. Литке министру внутренних дел Л. А. Перовскому, подчеркнута роль этнографической работы в планах будущей деятельности Общества. В записке так много уделено внимания этнографии, что Л. С. Берг, опубликовавший эту записку, считает ее написанной этнографом: «Записка эта, очевидно, составлена Далем, судя по большому месту, какое занимает этнография в программе организуемого общества»⁶. Думается, однако, что если этнограф принимал участие в составлении этой записки, что почти несомненно, или даже был ее единоличным автором, как предполагает Л. С. Берг, то таким этнографом был не В. И. Даль, а будущий председатель Отделения этнографии К. М. Бэр — один из трех инициаторов создания РГО (Литке, Бэр и Врангель). Задачи этнографической работы, изложенные в этой записке, полностью совпадают с идеями программных статей К. М. Бэра. Записка так формулирует задачи будущего Общества «в отношении этнографическом»: «Сия последняя сторона вопроса, т. е. познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов, должна на первый раз преимущественно обратить на себя внимание Общества, по следующим причинам: 1) по быстроте, с которой изглаживаются отличительные черты народности; это порождает опасение, что важные для отечественной истории сведения и события, кои теперь могли бы еще быть сохранены, через немногие десятилетия погибнут невозвратно; 2) по великой важности законов сего рода для антрополога и историка, важности всеми признанной и подавшей повод к учреждению особых этнографических обществ в Германии, Франции и Англии; наконец, 3) потому, что в России, представляющей богатейшее поле для исследований сего рода, ими чрезвычайно мало занимались. Между тем как сведения об этом

⁴ См., например, Л. С. Берг. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. М.—Л., 1946; В. М. Штейн. Роль Всесоюзного Географического Общества в развитии русской общественной мысли. Изв. Всес. геогр. о-ва, т. 77, вып. 1—2, 1945.

⁵ Деятельность Отделения статистики в период 1845—1861 гг., довольно подробно рассмотрена в вышеуказанной статье В. М. Штейна.

⁶ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 35.

государстве в географическом, физическом, статистическом и других отношениях со времен императрицы Екатерины II чрезвычайно много продвинулись вперед, напротив к изысканиям Палласа, Лепехина и Георги относительно туземных племен прибыло весьма не много. Разрабатыванием этого поля Общество несомненно бы заслужило признательность всех любителей просвещения, а равно могло бы принести пользу самому правительству, коему нередко подобные этнографические сведения бывают необходимы»⁷.

Приведем аналогичные места из программной статьи К. М. Бэра «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности»⁸:

«Запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен. Народы исчезают и остаются одни имена их. История открытия Сибири показала много имен народов, которые уже не существуют. Некоторые племена близки к уничтожению, напр. Ливы и Кревинги. Хотя небрежение к физическим и нравственным различиям разных племен ведется издавна и вследствие того память о них теряется, но еще есть многое в этом отношении, что могло бы быть собрано и что с течением времени уменьшится и наконец и вовсе исчезнет. Все сведения, кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастает в цене». «Действительно, история, или по крайней мере история просвещения, и этнография часто заимствуется одна от другой и в основаниях своих составляют одну и ту же науку. Сравнительная этнография описывает в настоящем те отношения, о коих история повествует, когда они уже прошли ...Но кроме всеобщих сведений о разных степенях просвещения, подробное знание разных народов новейшего времени весьма важно для вывода общих заключений там, где чувствуется недостаток в собственно исторических данных»⁹.

Задачи этнографического исследования Бэр сводил, следовательно, к изучению, главным образом, отсталых «инородческих» племен Российской империи. Материал, полученный в результате этого исследования, может быть с успехом использован антропологом и историком для создания сравнительной истории культуры. Не случайно в своей статье Бэр называет Блуменбаха и Клемма. Труд Блуменбаха «О природных различиях человеческого рода», появившийся в конце XVIII в., был одним из первых законченных систематических трактатов по антропологии. Десятитомная «Всеобщая история культуры человечества» Клемма рассматривала все человечество как единый и цельный организм, давала картину развития культуры, начиная от первобытного состояния человечества, сравнивая и сопоставляя данные о культуре самых различных народов древнего и нового мира. «Сравнительная этнография описывает в настоящем те отношения, о коих история повествует, когда они уже прошла. Таким образом, история образованности человечества, написанная Клеммом, есть не что иное как изображение главных народов в течение времен», — писал Бэр. Программный характер имеет и другая статья Бэра того же времени — «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества»¹⁰. Так же как и К. Риттер, Бэр развивает в этой статье положение об определяющем влиянии географической среды на развитие человечества: «Итак, мы можем сказать, что судьба народов определяется вперед и как бы неизбежно природою занимаемой ими местности»¹¹. Данные

⁷ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 33—34.

⁸ Напечатана в «Записках Русского Географического Общества», т. 1, 1846, стр. 93—115.

⁹ Там же, стр. 94, 102.

¹⁰ Напечатана в «Карманной книжке для любителей естественной истории», изданной от Русского Географического Общества, СПб., 1842, стр. 195—235.

¹¹ Там же, стр. 210.

сравнительной этнографии о различном характере и уровне культуры отдельных народов находят себе объяснение в данных географии. Выводы, сформулированные самим Бэром: «Сблизим теперь в кратких словах все высказанные нами мысли и наблюдения. Наклонение земной оси определяет количество теплоты, получаемой каждой частью планеты, от очертания суши и морей зависит дальнейшее распределение тепла и удобство или неудобство сообщений людей между собой; возвышение и понижение почвы, оказывая сильное влияние на низвержение воды из воздуха, определяет вместе с тем пути, по которым эта вода возвращается в море и образует естественные пути сообщения; хребты гор образуют и разъединяют народы, содержание тепла и воды (вообще климат) определяет производительность почвы и частью само собою,

Академик К. М. Бэр.

а частью посредством этой производительности действует на образ жизни и другие особенности народа; даже отдельные произведения природы оказывают значительное влияние, сами будучи результатом вышеисчислительных физических условий местности. Основываясь на всем этом, можно сказать, что в физических свойствах местности как бы заранее определена судьба народов и целого человечества»¹².

Подчеркнем несомненную зависимость этих взглядов Бэра от идей Гумбольдта и Гердера. На Гердера сам Бэр в своей автобиографии указал как на родственного ему мыслителя. О Гумбольдте, сближая его с Риттером, Бэр писал, что «география в обширном смысле слова сделалась наукою всеобщего интереса, с тех пор, как работы таких ученых, как Гумбольдт и Риттер, наглядно показали, что на лице земли написаны не только законы распространения органических тел, но отчасти и судьбы народов». Общим для идей всех этих ученых являлось представление об историческом процессе как продолжении геофизического процесса и определяющей зависимости исторических явлений от географических условий¹³.

Программные установки Бэра легли в основу многих экспедиционных работ, осуществленных как лично им, так и другими учеными с его помощью. Еще в 1837 г. Бэр лично осуществил экспедицию на Новую Землю. Целью экспедиции было исследование условий и характера животной и растительной жизни на Крайнем Севере с тем, чтобы подойти к разрешению основного вопроса — «что в состоянии создавать природа на севере, при столь незначительных возможностях, которые ей там предоставляют». Те же цели преследовала и экспедиция 1840 г. в Лапландию, осуществленная Бэром совместно с А. Ф. Миддендорфом. Бэр,

¹² Там же, стр. 230.

¹³ Н. А. Холодковский, Карл Бэр, 1923, стр. 83; Э. Л. Радлов, К. М. фон Бэр как философ. Первый сборник памяти Бэра, Л., 1927, стр. 62.

наконец, явился инициатором и идейным руководителем замечательной сибирской экспедиции 1842—1845 гг. А. Ф. Миддендорфа¹⁴.

Как известно, последняя экспедиция Миддендорфа сыграла немало важную роль в самой организации РГО. Миддендорф вернулся в Петербург из экспедиции 20 марта 1845 г., и на банкете, устроенном в честь путешественника, произошел первый обмен мнений о необходимости организации географического общества. Бэр тридцать лет спустя, вспоминая время создания РГО, писал Литке: «Это было славное время, полное оживления. Миддендорф вернулся из Сибири, и мы с своей стороны были одушевлены желанием воздать ему должное»¹⁵.

Являясь одним из инициаторов организации РГО, К. М. Бэр, став первым председателем Отделения этнографии, с той же энергией, что и прежде, взялся за организацию экспедиционных работ под углом осуществления тех задач, которые были сформулированы и в докладной записке об организации РГО и в его программных статьях.

Первым крупным мероприятием Отделения этнографии явилась экспедиция академика Шегрена в 1846 г. в Лифляндию и Курляндию с целью изучения остатков двух племен — ливов и кривингов. Подробная инструкция для Шегрена была составлена самим Бэром¹⁶. Такие же этнографические инструкции были составлены Бэром для Уральской экспедиции 1847 г., в ходе которой Гофманом были собраны этнографические материалы о самоедах, остяках и зырянах, и для экспедиции Ценковского и Ковалевского в Египет и Нубию в 1847—1848 гг.¹⁷.

Развертывая работы по этнографическому изучению «инородческих» племен Российской империи, Бэр бесспорно во многом продолжал традиции XVIII в. Сам Бэр отчетливо понимал эту преемственность. В цитированный выше записке писалось о необходимости продолжать «изыскания Палласа, Лепехина, Георги относительно туземных племен». Традиции XVIII в. Бэр стремился продолжить на базе последних достижений антропологии и сравнительной этнографии, подводя под этнографию и определенную теоретическую основу (зависимость культуры и быта от географической среды) и одновременно стремясь использовать данные этнографии для сравнительной истории культуры.

Одной из задач Отделение этнографии, руководимое Бэром, ставит подготовить труд на подобие труда Георги. В докладной записке Совету общества в 1846 г. Отделение этнографии, отмечая, что «общие сочинения о различных племенах, населяющих Россию, как, например, труд Георги, слишком устарели», проектирует подготовить новый труд по плану Георги — «возможно полное описание различных племен, населяющих Россию»¹⁸.

Большое научное значение для своего времени и программных установок и организационно-руководящей работы Бэра в области этнографии совершенно бесспорно. Однако направление Бэра в области этнографии очень скоро уступило место в деятельности РГО другому течению. Ведущую роль в русской этнографии в конце 40-х и в 50-х годах занимают Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин. Ведущую роль занимают они и в РГО.

При всех научных достоинствах направления Бэра, направление это

¹⁴ Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII—XIX веках. М.—Л., 1940, стр. 189—191, 196—197, 202—203.

¹⁵ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 22—23.

¹⁶ П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского Географического Общества, 1845—1895, ч. I, СПб., 1896, стр. 37—38. «Извлечения из отчетов» Бэра напечатано в «Записках» РГО кн. II, 1847, стр. 253—266.

¹⁷ П. П. Семенов. Указ. соч., стр. 22, 23, 30.

¹⁸ Архив Всесоюзного Географического Общества, фонд № 4 к 1946 г. «Взгляды Отделения этнографии России».

мало было связано с жизнью передовых общественных кругов того времени.

Обстановку в РГО в рассматриваемое время ярко отображают мемуары одного из крупнейших деятелей РГО — П. П. Семенова Тян-Шанского. Некоторый материал, правда ограниченный в силу официального характера издания, дает и его «История полувековой деятельности Русского Географического Общества», в которой изредка промелькнут, среди страниц «объективного», строго фактического изложения события, строчки мемуарного порядка. Семенов отмечает, что РГО, именно как Общество, а не как правительственное учреждение, «не было и не могло быть замкнутой корпорацией», оно «росло, развивалось и крепло непосредственно из русской общественной среды». Большое значение в жизни и деятельности РГО в 50-х годах приобрели «молодые силы» — прогрессивные общественные деятели, поставившие своей целью «способствовать своими независимыми трудами познанию русской земли и русского народа».

Н. И. Надеждин.

Многие из членов РГО явились деятелями реформы 1861 г. По подсчету Семенова, из 50 видных деятелей крестьянской реформы «не менее 20 были до того времени более или менее видными научными или общественными деятелями в среде Русского Географического Общества»¹⁹. Если общественно-политической программой «молодых сил» была ликвидация крепостного права, то научной программой соответственно явилось «изучение русского народного быта», исследование жизни и быта русского крестьянства. Естественно, что центрами сосредоточения «моло-

дых сил» явились Отделения этнографии и статистики.

Идейными руководителями нового направления в Отделении этнографии явились Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин. Председателем Отделения, вместо Бэра, стал Н. И. Надеждин и «непосредственным последствием этой перемены», по словам Семенова, явилось то, что «исследование быта русского народа выступило решительно на первый план деятельности Отделения»²⁰.

Научная деятельность Н. И. Надеждина и его значение в истории русской науки плохо изучены, точнее — совсем не изучены до настоящего времени. О Надеждине писали главным образом как о литературном критике и издателе «Телескопа». Единственная монография о Надеждине, написанная Н. К. Козминым, обрывается на 1836 г., годе закрытия «Телескопа»²¹. Между тем разносторонняя научная деятельность Надеждина в различных областях науки развевается в основ-

¹⁹ Мемуары П. П. Семенова Тян-Шанского, т. III, Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861), П., 1915, стр. 2; П. П. Семенов. Указ. соч., стр. XXII, XXVI.

²⁰ П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского Географического Общества, ч. I, стр. 38.

²¹ Н. К. Козмин. Николай Иванович Надеждин, жизнь и научно-литературная деятельность, 1804—1836 г. Записки Историко-филологического факультета С. Петербургского университета, ч. CLXI, 1912.

ном после 1836 г. Значение этой деятельности блестяще, в сжатой, но выразительной формуле оценил еще Чернышевский: «Если бы должно было представить полную оценку всей его ученой деятельности, мы отказались бы от такой задачи, превышающей силы наши. По многим и разнороднейшим отраслям науки, особенно касающимся России, он был первым нашим специалистом; по некоторым другим, общим нам с Западной Европой, равнялся с лучшими немецкими или французскими специалистами. Все отрасли нравственно-исторических наук, от философии до этнографии, были так глубоко изучены им, как редкому специалисту удается изучить одну свою частную науку. Этим страшным запасом знания располагал ум необыкновенно сильный, светлый и проныцательный, и потому о чем бы он ни писал, он проливал новый свет на предмет, какой бы науки ни касался, двигал ее вперед. А писал он обо всем, от богословия до русской истории и этнографии, от философии до археологии. Такой многосторонней ученой деятельности не может вполне оценить один человек»²².

В работах литературоведов обычно представление о резком, крутом повороте в литературной деятельности Надеждина после 1836 г. Бесспорно, что если до 1836 г. Надеждин прежде всего — литературный критик, то после 1836 г. он по преимуществу ученый: историк, этнограф и т. д. Однако при всей разнице этих периодов в жизни и деятельности Надеждина, многое объединяет их с точки зрения основных, руководящих идей его творчества. Если как литературный критик Надеждин «рассматривал литературу как одно из частных проявлений общей народной жизни, требовал, чтобы она сознала свое назначение — быть не праздною игрою личной фантазии поэта, а выразительницей народного самосознания и одною из могущественнейших сил, движущих народ по пути исторического развития»²³, то как историк и этнограф Надеждин ставил прежде всего проблемы происхождения и образования народности и проблемы народной жизни²⁴.

Исторические работы Надеждина были для своего времени замечательным явлением²⁵. Не случайно представители различных направлений и специальностей ставили неоднократно вопрос о том, чтобы выбрав эти работы из периодических изданий 30-х и 40-х годов, выпустить их специальным изданием²⁶. Замечательная статья Надеждина

²² Н. Г. Чернышевский. Очерки Гоголевского периода русской литературы. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1931, стр. 158.

²³ Н. Г. Чернышевский. Там же, стр. 201.

²⁴ Отмечу, что тот же Чернышевский прекрасно понимал это единство литературной и научной деятельности Надеждина. Видя философский генезис идей Надеждина в философии Шеллинга, Чернышевский вместе с тем отмечал своеобразие и оригинальность творческого пути Надеждина, считал, что он «пошел далее Шеллинга и приблизился, силою самостоятельного мышления, к Гегелю, которого, как по всему видно, не изучал» (там же, стр. 179).

²⁵ К сожалению, до настоящего времени мы не имеем ни одной специальной статьи, посвященной Надеждину как историку. Милюков в своем общем курсе русской историографии явно недооценил Надеждина (см. «Главные течения русской исторической мысли», изд. 3-е, СПб., 1913, стр. 267—268). В противоположность Милюкову, Н. Л. Рубинштейн в курсе русской историографии справедливо рассматривает Надеждина как «видного представителя русской исторической науки», отмечая заслуги Надеждина в области исторической географии и этнографии («Русская историография», 1941, стр. 215, 222, 362).

²⁶ Тот же Чернышевский писал: «Когда исполнится высказанное мною желание, чтобы издано было полное собрание сочинений Надеждина, почти каждый из наших ученых, чем бы ни занимался он, найдет, что многие важные вопросы его специальной науки лучше, нежели кем-нибудь у нас, объяснены Надеждиным. В будущем издании его трудов...» (Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1931, стр. 158). Вопрос об издании трудов Надеждина ставил также И. И. Срезневский, указывая, что сам имеет не менее шести больших томов (Вестник Рус. геогр. о-ва, 1856, т. XVI, отдел «Общая», стр. 15—16). В том же номере Вестника РГО помещен список работ Надеждина (неполный), составленный Г. Н. Геннади (стр. 16—19).

«Опыт исторической географии русского мира» бесспорно составила в истории русской исторической географии. Выдвинутая в этой работе теория о Прикарпатье как древнейшем гнезде славянского населения наложила глубокий отпечаток на труды русских историков и вплоть до построений А. А. Шахматова явилась одной из ведущих в разработке древнейшей истории славянства²⁷.

Уже в статьях 30-х годов Надеждин дал в общих чертах свое понимание задач этнографической науки. География и этнография, по Надеждину, выступают как «два первые основания истории»²⁸. Этнографическая основа исторического процесса имеет важнейшее значение в судьбах человечества. Отсюда этнография выступает у Надеждина как часть исторической науки, имеющая свои задачи в установлении «исторической истины»²⁹. При общем единстве человеческой природы совершенно очевидно «различие ее в разных народах, издавна отделившихся друг от друга». «Различие народов состоит во множестве частных оттенков одной и той же природы человеческой, которых совокупность составляет так называемую народную физиономию, или, в более тесном значении, относительно только внутренних духовных свойств, народный характер». Важнейшим основанием «этнографического разделения» на народы является язык — «самое резкое и самое прочное клеймо народной самобытности». Но не один язык составляет отличительную черту народной физиономии. Народы различаются и физическими особенностями («особым образованием тела») и психическими («особым сложением духовного организма»). Причины этих различий народов коренятся в географических особенностях местопребывания народа и в особенностях их происхождения («генеалогических особенностях происхождения каждого народа») ³⁰.

Вряде статей 30-х и 40-х годов Надеждин начал и разработку вопросов славянской этнографии. Наибольшее внимание в этот период Надеждин уделяет проблеме происхождения славянства в целом, восточного славянства в частности. Здесь вопросы этнографии тесно смыкались с вопросами исторической географии, к которой Надеждин имел особую склонность. Широко использует он топонимику для разрешения запутанных вопросов древнейшего расселения славянских племен, умело и тонко применяет он ее данные, предостерегая от скороспелых выводов, основанных на случайных сближениях. «Нигде не может быть столько раздолья произволу, мечтательности, натяжкам, как при звуках. Слово все в нашей власти. Оно беззащитно. Из него можно вымучить всякий смысл этимологическою пыткой». Надеждин резко выступает против такой этимологии, которая, по «малейшему, ничтожному созвучию, часто еще основанному на искаженных звуках, соединяла самые несовместимые факты, мешала времена, скакала через расстояния», и требует тщательной предварительной работы над географической номенклатурой, работы, которая восходит от нынешних названий к древним, «старобытным, первоначальным, через весь ряд изменений, которые они вытерпели». С большим мастерством он использует данные топонимики в блестящей работе «Опыт исторической географии русского мира», делая в ней впервые ряд методологических наблюдений, позже прочно вошедших в русскую науку³¹.

²⁷ Историографические судьбы этой теории вкратце даны у Д. И. Багаля. Русская история, т. I, М., 1914, стр. 123—124.

²⁸ «Об исторических трудах в России». Библиотека для чтения, т. XX, 1837, стр. 111.

²⁹ «Об исторической истине». Там же, стр. 159.

³⁰ Там же, стр. 159—160.

³¹ Отметим также следующие статьи Надеждина, посвященные вопросам происхождения славянства и славянской этнографии: «Великая Россия», «Венеды», «Великий Устюг», «Вологодская губерния и Вологда», «Вычеда» — в Энциклопедическом Лек-

В Русском географическом обществе Надеждин впервые нашел широкое поле деятельности для организации этнографической работы в соответствии со своими любимыми идеями. 29 ноября 1848 г. в годовом собрании РГО он выступил с программным докладом «Об этнографическом изучении народности русской», надолго определившим характер работы Отделения этнографии РГО. Уже в самом начале доклада Надеждин подчеркнул, что «главным предметом внимания нашего должно быть то, что именно делает Россию Россиею, то есть — «человек русский!». Положения доклада развивают идеи Надеждина 30-х годов. Этнографию Надеждин делит на следующие разделы: лингвистическая этнография (или этнографическая лингвистика), этнография физическая и этнография психическая. Лингвистическая этнография изучает язык народа — «главный залог и главный признак народности». Лингвистической этнографии нет дела до «письменного», «книжного» языка (это дело филологов), она изучает речь простую, «обыкновенную, самодельную, которую народ составляет себе общим бессознательным участием всех для общего повседневного употребления». Подробно излагает Надеждин содержание «психической этнографии»: она охватывает весь «быт народный», в нее входит и «семейное устройство народа, со всеми его особенностями», и «домохозяйство, и вообще промышленность», т. е. занятия, и «жизнь и образованность общественная, поколику развита народом из себя», т. е. формы общественной жизни, и, наконец, религия — «как народ ее себе придумал или присвоил». Особо выделяет Надеждин вопросы происхождения русского народа и его культурных связей с соседними народностями. Необходимо рассмотреть «таинственный процесс» образования народностей, изучить взаимное влияние народностей, когда происходит «обоюдный обмен понятий, нравов, привычек». На севере и востоке славяне сталкивались с чудью — финскими элементами, на юго-западе «многое отзывается частью Азией, изобличает в себе происхождение кавказское или — еще далее — под-алтайское». К этому надо добавить влияние культур: греческо-византийской — из-за Дуная, латинско-польской — из-за Вислы, «немецко-варяжской» — из-за моря. Надо раскрыть эту «многовековую накипь разнородных и разнокачественных элементов». И при всем том, подчеркивает Надеждин, «русский человек не перестал быть человеком русским, не выродился — ни в чужь «белоглазую», ни в сорочину «долгополую», не обернулся ни ляхом — «котоликом», ни немцем — «салютером»...

Важнейшее внимание Надеждин уделяет «русским вне России», русскому населению, находившемуся на территории Австро-Венгрии, в Галиции и Венгрии, подчеркивая «наше кровное родство с огромною массою братьев» за рубежом. На основе впечатлений и материалов, собранных во время путешествия в 1840—1841 гг. по славянским странам, Надеждин набрасывает превосходный очерк быта и культуры зарубежного русского населения³². Путешествие 1840—1841 гг. Надеждина в восточную им в стенах РГО задачи изучения русского и вообще славянского населения за рубежом дали ощутительные результаты. Роль в создании научных связей русских ученых со славянскими учеными. Сам Надеждин был в переписке с Миклошичем, Яном Коларом, Вуком Караджичем

сиконе, 1836—1838 гг., т. VIII—XII; «О важности исторических и лингвистических исследований Новороссийского края» — в книге «Тринадцатилетнее собрание Одесского Общества истории и древностей», 1840; «Геродотовы Савины, обитавшие при савинах с местностями» — Записки Одесского Общества истории и древностей, т. I, 1844; «О местоположении древнего Пересеченя, древнейшего города украинского» — там же; «Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 году по австрийским землям» — там же; «Племя русское в области славянских стран» — журнал Министерства внутр. дел, ч. I и др.

³² Доклад Надеждина помещен в *Записки Русск. общ-ва*, 6-е изд., т. II, 1847.

и др. Несколько позже Надеждина, и безусловно не без его влияния в том же РГО начинает свою деятельность А. Ф. Гильфердинг.

Приход Надеждина в РГО вызвал резкий поворот в работе Отделения этнографии. Русская этнография становится центральной задачей Отделения. В новом уставе РГО, утвержденном в декабре 1849 г., подчеркивается, что задачами Отделения этнографии являются «не только антропология в тесном смысле, но и изучение наречий, нравов, обычаев разных народностей и в особенности изучение бытовых сторон жизни русского народа»³³. Крупнейшим мероприятием Надеждина как руководителя Отделения этнографии была организация сбора материалов на местах по русской этнографии с последующей обработкой и публикацией в специальном издании — «Этнографическом сборнике». Надеждин лично взял на себя разработку программы. Программа в числе 7000 экземпляров разослана была во все углы России³⁴. Программа ставила задачей собрать материал о тех «классах населения, в коих народные особенности сохраняются наиболее; таковы в племени русском: весь так называемый простой сельский народ, а также и средние классы горожан: мещане, купцы и разночинцы; одним словом, все те, о которых говорится, что они живут еще по-просту, по-русски!». Программа включала следующие разделы: 1) наружность — «все характеристические особенности телосложения и вида», 2) язык — «во всем разнообразии его местных наречий и говоров», 3) домашний быт, включая сюда жилище, утварь, платье, пищу, обычаи и обряды, занятия и ремесла. 4) народные предания и памятники. Некоторые вопросы, стоявшие первоначально в программе, вычеркнуты были в корректуре, как сочтенные очевидно, нежелательными в высоких сферах. Так, вычеркнутыми оказались вопросы о крестьянском оброке и барщине, а также подводной и рекрутской повинностях. Интересовали эти данные составителя программы в связи с вопросом крестьянского бюджета и народными юридическими обычаями (раскладка на мирских сходках повинностей денежных и натуральных)³⁵.

Рассылка программы на места дала совершенно исключительные результаты. «Со всех концов России начали стекаться в Общество местные этнографические описания, все более интересные и важные», — вспоминает И. Срезневский³⁶. К 1853 г. число присланных рукописей дошло до двух тысяч. РГО создало целую армию корреспондентов. В центре всей этой работы стоял Надеждин: «ни одного даровитого вкладчика не оставлял он без приветов и такими приветами и советами вызывал их к новым трудам» (Срезневский). Рукописи поступали от местной интеллигенции (учителя, врачи), сельского духовенства, крестьянства.

Непосредственным итогом работы по изучению всех этих рукописей явилась подготовка к печати «Этнографического сборника». С 1853 по 1874 г. вышло 6 выпусков, в которых либо в оригинале, либо в обработке появились материалы по русскому народному быту. К. Д. Кавелин так оценивал эти материалы: «Богатство и разнообразие доставленных материалов поразительно. Обнимая все стороны народного быта в мельчайших подробностях, они представляют полную картину современного русского простолюдия, начиная с его наружного вида, одежды, пищи,

³³ П. П. Семенов. Указ. соч., стр. 16; Л. С. Берг, Указ. соч., стр. 48.

³⁴ Разосланное количество экземпляров не могло удовлетворить места. Как отмечено в одном из документов за 1852 г., «в Общество поступают беспрестанно требования на нее со стороны частных лиц» (Архив Всес. геогр. о-ва, дело № 5, за 1852 г. «О напечатании и рассылке этнографической программы»). В 1852 г. отпечатано было второе издание программы, столь же быстро разошедшееся.

³⁵ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 146—147.

³⁶ И. Срезневский. Воспоминания о Н. И. Надеждине. Вестник Рус. геогр. о-ва, 1856, ч. 16, отдел «Смесь», стр. 9.

жилья, до тончайших оттенков его речи, понятий, печалей и радостей в домашней и общественной жизни»³⁷. Помимо того, материалы эти были использованы для подготовки нескольких капитальных работ по русской этнографии. Широко использовал их В. И. Даль для «Толкового словаря живого великорусского языка», а также для сборника «Пословицы русского народа», и А. Н. Афанасьев для сборника русских народных сказок. Обработывал их и И. Срезневский для проектировавшегося сборника «Памятники народного русского языка и словесности». В редактировании «Этнографического сборника» последовательно принимали участие, помимо Н. И. Надеждина, К. Д. Кавелин, Н. В. Калачов, В. И. Ламанский, В. В. Стасов.

Важнейшее значение из них для организации и направления работы Отделения этнографии в рассматриваемый период имели К. Д. Кавелин и Н. В. Калачов.

К. Д. Кавелин, наряду с Надеждиным, явился центральной фигурой в той смене идейного направления, которая обозначилась в Отделении этнографии в конце 40-х годов. Семенов Тянь-Шанский так характеризует его роль в РГО в своих мемуарах: «Между этими лицами (деятелями РГО.— Н. С.) высокое место по своим блестящим дарованиям, глубокому знанию бытовой истории русского народа и пламенной, страстной и полной самоотверженности преданности идее освобождения крестьян занимал Константин Дмитриевич Кавелин... новые деятели общества обратили усиленное внимание на изучение русского народного быта и аграрных отношений между помещиками и крестьянами, несомненно подготовившее великую реформу последующего царствования. Сам Кавелин принял, конечно, главное участие в этих работах»³⁸. Бесспорно, Семенов крайне идеализирует и реформу 1861 г., и деятелей реформы, и самого Кавелина. Оценка Семенова — это оценка с либеральных позиций. Однако бесспорно и то, что новый курс в работе Отделения этнографии был тесно связан с русской действительностью, русской жизнью того времени. Деятели типа Кавелина делали большое прогрессивное дело, сближая науку с актуальными вопросами современности.

Рамки николаевской России лимитировали программу научного исследования. Выше отмечалось, что в первоначальном варианте программы содержались вопросы о барщине, оброке, подводной и рекрутской повинностях, выброшенные позже в корректуре. Как цензура ограничивала и стесняла научные издания, показывает следующий любопытный документ, опубликованный недавно Л. С. Бергом. В докладной записке, адресованной Советом Общества на имя председателя Общества, упоминалось, что «ученое общество не смело печатать на страницах своего

К. Д. Кавелин.

³⁷ «Некоторые извлечения из собираемых в Р. Г. Обществе этнографических материалов о России, с заметками о их многосторонней значительности в области этнонауки» (К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. IV, Этнографы и этноисследования, стр. 165).

³⁸ Мемуары П. П. Семенова Тянь-Шанского, т. III, стр. 15, 17.

журнала, например, следующие слова: ни храма Мемфиса или Сид-стриса, ни буддийского монастыря, ни религиозных верований или других язычников, ни признанной всеми государствами за самостоятельную республику в Африке колонии Либерии, образовавшейся из свободных негров, и т. д. Занимаясь исторической географией, Общество не смело печатать подтверждений, что такой-то город в Азии упоминается еще в Библии, или при этнографических исследованиях указывать на поверья и предрассудки, или, наконец, говорить, что женщины такого-то инородческого племени совершают роды не лежа, а оставаясь на ногах, и т. д. Описывая фауну края, нельзя было упоминать о птицах, водящихся во всей Индии, Африке и других местах и известных в зоологии под названием секретарей (род коршунов) и адъютантов. Все эти слова превращались по заботливости цензора в *капище* Мемфиса или в буддийское здание, а другие совершенно уничтожались под цензурским пером. Эпитет образованных наций, прилагавшийся где случалось, говоря о народах или государствах Западной Европы, тщательно преследовался и по настоящее время преследуется ценсурой». Далее в записке указывалось, что «всякое описание монастыря, замечательного древностию, отсылается в цензуру духовную; всякое слово об иноверцах — в департамент духовных дел; описание дорог — в главное управление путей сообщения, и т. п.»³⁹.

В условиях цензурного зажима при Николае I, да и при Александре II (цензурные правила смягчены были лишь в 1865 г.) изучение быта русского крестьянства и публикация соответствующих материалов не могли носить всестороннего характера. Когда в 1858 г. в апрельской книжке «Современника» было помещено извлечение из известной записки Кавелина об освобождении крестьян, то цензурное ведомство и редакция «Современника» были подвергнуты взысканию, а идеи Кавелина признаны «вредными» и несогласными с правительственными мероприятиями. Редактор сочинений Кавелина (четыре тома, 1896 г.), опубликовавший ряд материалов о его жизни и деятельности, Д. А. Корсаков, с полным правом мог отметить в предисловии к одной из своих публикаций: «К. Д. Кавелин особенно усердно занялся обработкой этнографического материала, стекавшегося в географическое общество, и находил в нем не только данные для историко-этнографического изучения, но и для определения современного положения крепостного населения. Но последняя цель, до поры до времени, оставалась под спудом, и в царствование императора Николая Павловича могла обнаруживаться только первая — историко-этнографическая».

С каким жаром Кавелин ратал над обработкой материалов о русском народном быте, прекрасно рисует письмо его от 8 апреля 1850 г. к Н. Н. Буличу. Это же письмо прекрасно вскрывает весь процесс редакции, всю рабочую кухню редакторов «Этнографического сборника». «Что касается до моих занятий, — пишет Кавелин, — то они теперь почти исключительно посвящены приготовлению к изданию богатых этнографических материалов географического общества. Первый выпуск

³⁹ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 56—57. Таким же ограничениям и стеснениям подвергалась и научно-популяризаторская деятельность Общества. В 1862 г. в среде РГО возник вопрос о чтении в Обществе публичных лекций «по разным предметам, входящим в круг его занятий». Министром народного просвещения А. В. Головнинным публичные лекции были разрешены, но «под наблюдением относительно сего местной полиции». Рукою Литке на соответствующем документе на полях помечено: «как это понять?» Не все лекции, проектировавшиеся РГО, были разрешены. Так, не состоялись намеченные лекции Н. И. Костомарова: «О быте малороссийских крестьян» и «Русская земля в Смутном периоде (самозванцы и междуцарствие)». Лекции, проведенные в 1863 г. (позже их не было), имели «успех и сочувствие публики». Материалы о чтении публичных лекций в РГО содержатся в деле № 5 за 1863 г. в архиве Всесоюзного географического общества — «О чтении публичных лекций».

(Сборник) составит те из них, которые могут быть напечатаны целиком, с более или менее значительными изменениями в редакции только. Таких №№, составленных по программе этнографического отделения, оказалось 17 или 18. Остальные, в числе слишком 400, будут переработаны, т. е. из них выберется все мало-мальски любопытное и новое, будет сведено систематически, т. е. по известному порядку и плану, и в этом виде издано. Последние половина этого труда истинно египетская. Читаешь тетради и иногда в них ничего не найдешь, иногда — одно какое-нибудь слово или две строки. Я принял такую методу: все эти места выписываются на кусочках бумаги, которые потом разберутся и будут подклеены одни под другими. Иначе нельзя было составить свода из 400 слишком более или менее толстых тетрадей. За то смею надеяться, что вещь выйдет не дурная и свод составлен будет добросовестно. Прибавить должно, что кроме меня работают над этими материалами еще три человека: Савельев (ориенталист), Сахаров и Срезневский. Савельев взял всех инородцев, Сахаров — сказки, песни, пословицы и загадки, Срезневский — словари и филологические сведения и материалы; я взял почти все остальное о русском, малороссийском и белорусском племенах, т. е. описание жилья, пищи, одежды, общественный быт и юридические обычаи, игры, праздники и поверья. К печатанию первого выпуска приступим после святой; свод будет долго делаться; работа копотная и трудная»⁴⁰.

Кавелин не только организатор (наряду с Надеждиным) важнейшей коллективной работы Отделения этнографии в конце 40-х и в 50-х годах. С именем Кавелина связан комплекс новых идей в этнографической науке, новое слово в самом методе изучения этнографических явлений. Кавелин как теоретик-этнограф — особая тема и тема, лишь отчасти входящая в историю этнографических работ в рамках РГО. Основные теоретические работы Кавелина не связаны с Отделением этнографии РГО. Поэтому здесь мы их коснемся лишь частично.

Характерной чертой этнографических работ в России до 40-х годов XIX в. был прагматизм, формальное описание этнографических явлений и фактов, не раскрывавшее их исторических корней и тем самым не раскрывавшее сущности этих явлений и фактов. Типичными в этом отношении являлись работы таких этнографов, как Терещенко, Снегирев, Сахаров и др. Первые удары этнографическому прагматизму нанесены были Бэром и Надеждиным. Бэр сближал этнографию с антропологией и географией, искал ключ к объяснению этнографических явлений в данных антропологии и географии. Надеждин, подметив связи этнографии с исторической географией и лингвистикой («лингвистическая этнография»), вскрыл сложный характер образования, происхождения народности и тем самым поставил проблему народности как историческую проблему. Кавелин внес принцип историзма в этнографическую науку в целом.

Новое понимание задач этнографической науки, выведившее ее из тупика этнографического прагматизма, — формального описания этнографических фактов, вытекало из особенностей развития русской исторической науки в 40-х и 50-х годах XIX в. «Новая историческая школа», главными представителями которой были гг. Соловьев и Кавелин»⁴¹, исходившая из понятия о народе как живом организме и об истории народа как органическом развитии его исконных бытовых начал в обстановке природных условий и внешних влияний, расскрывавшая закономерности развития из основных форм быта и юридической жизни, пре-

⁴⁰ К. Д. Кавелин. Три неизданных этнографических сборника по европейскому направлению 1857—1864 гг., с предисловием Д. А. Корсакова. Русская старина. 1887, февраль, стр. 438—439.

⁴¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1931, стр. 205.

бовала особого внимания к современному народному быту, в котором сохранились его старинные формы и обычаи. Изучение современного народного быта нужно было для понимания самой истории. Тем самым, с одной стороны, этнографические явления включались в общий комплекс исторических явлений, а с другой стороны, — эти явления по необходимости рассматривались не *in statu*, а исторически, с раскрытием их корней. «Всякое явление в жизни народа, как бы это явление ни было, повидимому, случайно, должно рассматриваться в истории по отношению к внутренним условиям народной жизни; оно объясняется или в свою очередь объясняет их», — писал С. М. Соловьев.

В своей знаменитой статье «Взгляды на юридический быт древней России» (1847) Кавелин резко подчеркнул значение современного народного быта для раскрытия исторического процесса развития народа. «Где ключ к правильному взгляду на русскую историю?» — ставил вопрос Кавелин и отвечал: «Ответ простой. Не в невозможном отвлеченном мышлении, не в почти бесплодном сравнении с историей других народов, а в нас самих, в нашем внутреннем быте»⁴². Этнографические факты имеют важнейшее значение для изучения исторического прошлого народа. «Ищите в основании обрядов, поверий, обычаев-былей когда-то живых фактов, ежедневных, нормальных, естественных условий быта, и вы откроете целый исторический мир, которого тщетно будем искать в летописях, даже в самых преданиях, ибо народ иногда и не помнит, как он жил в отдаленной старине, и не понимает следов этой жизни в настоящем»⁴³. Этнографические явления и факты, с которыми сталкивается современный исследователь, — сложные явления, разобраться в которых можно только пользуясь методом исторической критики. Только исторический подход раскрывает сущность этих явлений и объясняет их. «Наши простонародные обряды, приметы и обычаи, в том виде, как мы их теперь знаем, очевидно сложились из разнородных элементов и в продолжение многих веков. Все, что имело на Россию более или менее положительное влияние извне, все эпохи ее внутреннего исторического возрастания проводили какую-нибудь черту в обрядах и обычаях, прибавляя к ним новое, изменяя, уничтожая или переиначивая старое. Вследствие этой беспрестанной, хотя и медленной, перестройки наши обычаи и обряды представляют самый нестройный хаос, самое пестрое, повидимому бессвязное, сочетание разнороднейших начал. Развалины эпох, отделенных веками, памятники понятий и верований, самых разнородных и противоположных друг другу, в них как бы набросаны в одну груду в величайшем беспорядке. Подвести их под систему, объяснить из одного общего начала невозможно, потому что они составились не по одному общему плану, не суть порождение единой творческой мысли. Чтоб внести сколько-нибудь света в эту массу отрывочных, отчасти искаженных и бессмысленных фактов, остается одно средство: разобрать их по эпохам, к которым они относятся; по элементам, под влиянием которых они образовались, и потом с помощью способов, на которые указывает историческая критика, восстановить, сколько возможно, внутреннюю связь этих эпох и последовательность преемственного влияния этих элементов»⁴⁴.

В статьях, посвященных русскому народному быту, Кавелин дал блестящие образцы применения исторического метода к анализу этнографических явлений. Отметим особенно такие статьи, как обширная рецензия на «Быт русского народа» Терещенко и статья об этнографиче-

⁴² К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. I, Монографии по русской истории, СПб. (год не указан), стр. 10.

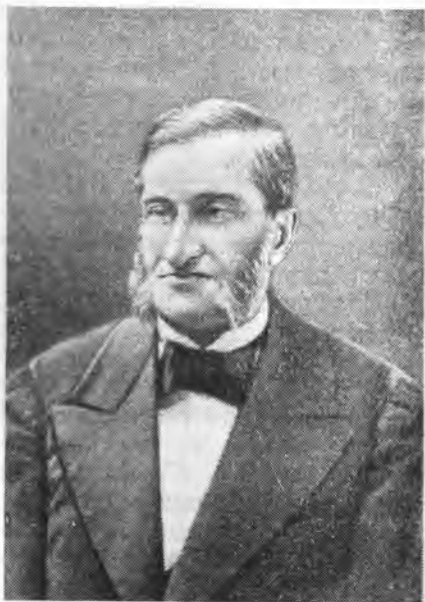
⁴³ К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. IV, Этнография и правоведение, СПб. (год не указан), стр. 50.

⁴⁴ К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. IV, стр. 33.

ских материалах РГО. В них Кавелиным высказаны замечательные мысли о генезисе обрядов и поверий, дана резкая, острая критика исследователей, которые склонны были в русском быту все объяснить заимствованиями, нарисована картина развития верований и развития общественного и домашнего быта славян (род, семья) и т. д.⁴⁵

Продолжателем идей Кавелина в этнографии явился другой выдающийся деятель РГО — Н. В. Калачов, возглавивший Отделение этнографии в 1860—1865 гг.

П. П. Семенов в своих мемуарах характеризует Калачова как одного из наиболее горячих сторонников ликвидации крепостного права. Еще за 20 лет до реформы Калачов занимался «устройством быта крестьян» в своих родовых имениях в Саратовской губернии. Здесь же он «ознакомился с бытом русского народа» и изучил обычное право⁴⁶. В РГО Калачов вступил уже известным историком-юристом, автором ряда работ по истории русского права. В 1850 г. Калачов предпринял издание, получившее широкую известность, — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России». Вокруг этого издания объединились историки, историки-юристы, этнографы, историки литературы, фольклористы и т. д. Сотрудниками издания были Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, И. Е. Забелин, Ф. И. Буслаев, Н. Афанасьев, И. Срезневский, И. Снегирев и др. В предисловии к первой книге «Архива» издатель писал: «Главное внимание в настоящем случае мы будем обращать на внутренний быт нашего отечества и народа, имея в виду ту тесную, неразрывную связь, которою во всех отношениях соединяется Русь древняя с новой»⁴⁷. История русского права для Калачова сливалась с историей русского народа, с историей его быта и культуры. «Архив» Калачова соответствовал тем идеям, которые пропагандировались в Отделении этнографии РГО Надеждиным и Кавелиным. И Калачов сам подчеркивал это в своем издании. «Признавая не только полезным, но и отрадным явлением обнаружившееся в последнее время стремление в нашей науке изучать самостоятельно русский народный быт, мы считаем

Н. В. Калачов.

⁴⁵ Автор единственной специальной статьи о Кавелине как этнографе — М. И. Фулишер подчеркивает, что в трактовке некоторых вопросов Кавелин предвосхитил Гейлора и Мэна («Кавелин и русская этнография», Вестник Европы, 1855, август, стр. 657—665). К этому стоит добавить, что Кавелин до Мак-Леннана подошел к пониманию того социального института, который шотландский ученый назвал *этнографическим* «Обычай отдавать девушек замуж в далекую сторону, — писал Кавелин. — *Этнографический* что древнейшие общины состояли каждая из одной семьи, рода, между которыми не бывало брака» (Кавелин, т. IV, стр. 125).

⁴⁶ Мемуары П. П. Семенова Тяп-Шанского, т. III, Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861), П., 1915, стр. 160.

⁴⁷ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», т. I, 1850, стр. 3.

долгом пополнять, по возможности, издаваемые с этой целью сочинения и материалы, будучи уверены, что только взаимным содействием ученых обуславливается полнота и отчетливость всех трудов подобного рода»⁴⁸. В 1859 г. Калачов организует новое фундаментальное издание — «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России». Новое издание продолжило прежнее издание с тем отличием, что акцент в новом издании ставился на «практических сведениях». Оно должно было знакомить «с теми данными настоящего времени, которые, представляя картину современного быта в разных слоях русского общества и в разных частях России, могли бы притом служить полезным указанием способов, применяемых правительством или предполагаемых частными лицами для лучшего удовлетворения признаваемых ими потребностей»⁴⁹. Центральной темой нового издания явился крестьянский вопрос, взятый и в историческом плане (материалы по истории крепостного права), и в бытовом (обычаи крестьян в различных местностях), и в юридическом. В том же 1859 г. Калачов, работая как член известных редакционных комиссий, зачитывает в заседании доклад «О прекращении крепостного права».

В 1860 г. Калачова избирают председателем Отделения этнографии РГО. Совершенно не случайно избрание Калачова. В эти годы развязывался узел многовековой крепостной зависимости крестьянства, и внимание передовой русской этнографии сознательно направлялось в сторону изучения не просто быта, но прежде всего юридического быта русского крестьянства. Вдохновителем этой линии в русской этнографии и ее блестящим организатором становится Калачов. В ряде первоклассных статей Калачов разрабатывает различные вопросы, связанные с юридическим бытом русского крестьянства («Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях», «Очерк юридического быта великорусских крестьян в XVII столетии», «Артели в древней и нынешней России», «О волостных и сельских судах в древней и нынешней России», «Некоторые данные о разработке материалов в наших архивах и об изучении нашего народного быта»). Отметим практическую заостренность всех этих работ Калачова. Одна центральная идея пронизывает их. Обычное право народа, развивавшееся «самобытно и с незапамятных времен», не только объект для изучения юристов и этнографов, восстанавливающих по отдельным пережиткам целые институты в прошлом; оно и сейчас продолжает оставаться живым народным правотворчеством, органически увязанным с особенностями самого народного быта; правительство должно не только бережно и внимательно относиться к этому правотворчеству, не стесняя его ненужной регламентацией, но и многое взять из него в создании новых правовых норм пореформенной России. Особенное внимание Калачова привлекают такие юридические формы, как артели, а также волостные и сельские суды. «При совершившемся освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости, стеснявшей сельскую промышленность, и при других благоприятных условиях для общественной деятельности, товариществам, коих члены связаны между собою артельным началом, предстоит значительное развитие», — пишет Калачов в статье об артелях. «В виду такого развития артельного начала, желательно, чтобы оно не было стесняемо преждевременной регламентацией и могло выработаться свободно в среде самого народа»⁵⁰. Важное значение придает Калачов волостным и сельским судам, как органам, где донныне часто действуют нормы обычного права. Целью статьи, посвященной этому вопросу, было для

⁴⁸ Там же, стр. 4—5.

⁴⁹ «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. I, СПб., 1859, стр. III.

⁵⁰ Н. В. Калачов. Артели в древней и нынешней России.

него — «представить мысли относительно тех основных положений, которые должны быть ...приняты во внимание при необходимо предстоящем изменении в составе, предметах ведомства и делопроизводстве означенных судов»⁵¹. Отметим, что, приняв непосредственное участие в составлении новых судебных уставов, Калачов настоял, чтобы в Устав гражданского судопроизводства внесена была статья (130-я), позволяющая мировым судам при постановлении решений руководствоваться также местными народными обычаями.

Важнейшим делом Калачова как председателя Отделения этнографии РГО явилась разработка программы для собирания материала о народных юридических обычаях. Программа была разработана Калачовым совместно с Муловым и напечатана в VI т. «Этнографического сборника» (1864). Как своевременно поставлена была эта задача Калачовым, показывают следующие факты. В 1863 г. в «Киевских губернских ведомостях» была напечатана программа по южнорусскому обычному праву. В 1864 г. аналогичная программа по русскому праву была опубликована в «Архангельских губернских ведомостях». Необходимость постановки работы по собиранию материалов по обычному праву осознавалась в различных уголках России. Ведущее значение для дальнейшего развития этнографии имела, однако, не программа киевская или архангельская, а именно программа Отделения этнографии, созданная по инициативе Калачова. Эта программа, как писал о ней Л. Н. Майков, «быстро разошлась по разным концам России, всюду возбуждая внимание наблюдателей быта народного»⁵². Программа РГО по обычному праву имела значительное влияние на развитие изучения в России обычного права, вызвала на это поприще многих новых деятелей и создала целую литературу. Ее перепечатали многие губернские ведомости с различными дополнениями, многие губернские статистические комитеты (в Архангельске, Самаре, Ярославле и др.) включили в свою работу вопросы программы. В прямой связи с программой стоят и такие превосходные работы, как работы П. С. Ефименко о народных юридических обычаях крестьян Архангельского края, Кострова о юридических обычаях крестьян-старожилов Томской губ. и др. Работа по изучению обычного права русского народа в Отделении этнографии далеко выходит за рамки рассматриваемого нами периода. Важнейшим итогом работы явилось издание в 1878 г. превосходного «Сборника народных юридических обычаев», где были помещены статьи Калачова, П. С. Ефименко, А. Я. Ефименко, Кострова, Самоквасова и др., а также новые программы по собиранию материалов по обычному праву, составленные Матвеевым и Фойницким⁵³.

Этнография русского народа — центральная тематика Отделения этнографии в 50—60-х годах XIX в. Надеждин, Кавелин, Калачов — наиболее выдающиеся организаторы и идейные руководители этнографической работы в РГО в эти годы. Идеино связано с этой работой и изучение русской и славянских народностей за государственными пределами тогдашней России. Зачинателем и здесь был Надеждин. Продолжателем его явился А. Ф. Гильфердинг. В изданиях Общества за эти годы помещен ряд статей по этнографии карпатских украинцев, черногорцев, македонских славян, болгар, кашубов (балтийских славян). В V томе «Этнографического сборника» помещена переводная статья Лежана об этнографии Европейской Турции с первой этнографической ее картой, на которой было изображено распространение на Балканском полуострове славянских народностей. А. Ф. Гильфердинг в 50—

⁵¹ «Сборник государственных записок», под редакцией В. П. Кошарева, т. VIII, стр. 128, примечание.

⁵² «Двадцатипятилетие Русского Географического общества», СПб., 1878, стр. 30.

⁵³ Записки Рус. геогр. о-ва по Отделению этнографии, т. VIII, 1878.

60-х годах в изданиях Общества были напечатаны: статья «Босния в начале 1858 г.»⁵⁴, капитальный труд о Боснии и Герцеговине⁵⁵, статья «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря»⁵⁶ и, наконец, «Старинный сборник пословиц»⁵⁷.

Еще в начале 50-х годов Гильфердинг выступил с исследованиями, посвященными славянской филологии, обратившими на себя внимание как специалистов-филологов, так и представителей передовой общественной мысли (Чернышевский)⁵⁸. В последующих трудах — «История балтийских славян» и «Письма об истории сербов и болгар» Гильфердинг уже вплотную подошел к вопросам славянской этнографии. Работа над вопросами славянской филологии и истории выявила для Гильфердинга необходимость расширения круга источников, показала необходимость обращения к непосредственным наблюдениям жизни зарубежных славян и к материалам в зарубежных архивах. Гильфердинг едет за границу. Назначенный консулом в Боснии и Герцеговине, Гильфердинг соединяет служебные дела с продолжением научных трудов. В 1856 г. в «Русской Беседе» Гильфердинг печатает статью «Народное возрождение сербов лужичан в Саксонии», где впервые выступает как полевик-этнограф. В статье описывается современная жизнь лужичан, приводятся образцы их поэзии. «Эти 160 000 людей среди миллионов немецкого народа сохранили до сих пор свою славянскую речь, свой особый быт, свое стародавнее наименование сербов», — подчеркивает Гильфердинг. Вековую борьбу славянства против агрессии немцев и живучесть славянской культуры в немецком окружении на Западе подчеркивает Гильфердинг и в таких трудах, как «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века» и «Остатки славян на берегу Балтийского моря». Любовно описывает Гильфердинг быт и культуру балтийских славян-кашубов. В 1857 г. Гильфердинг предпринял путешествие по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии и дал яркое и живое описание своего путешествия. Срезневским эта книга была оценена как «замечательнейшее явление этого рода», как книга, которая «не может быть заменена никакою другою и всегда останется источником для исследователя»⁵⁹. Перед читателем встают жизнь и быт сербов на фоне путевых впечатлений и картин природы, даются сведения о племенных и социальных группах населения, описывается их хозяйство, жилища городского и сельского типа, религиозная и обрядовая жизнь и т. д. Книга содержит значительный материал текстов произведений народной словесности, записанных самим путешественником от исполнителей-сербов. «Эпическая поэзия так жива в Боснии, как она могла быть жива в Греции во время Гомера. Там нет даже старцев, слепцов (как, например, в Сербии и Далматии), которых специальное занятие и ремесло — петь песни; нет — в Боснии слепцов не нужно: каждый человек знает песни и поет их. Эпические преимущественно принадлежат мужчинам, лирические — женщинам», — пишет Гильфердинг.

Гильфердинг осуществил то, о чем ставил вопрос еще Надеждин. Благодаря Гильфердингу Отделение этнографии РГО расширило территориальные границы своих исследований и осуществило изучение славянских народностей за пределами России.

⁵⁴ Напечатана в Вестнике Рус. геогр. о-ва, ч. XXIII, 1858.

⁵⁵ Напечатана в Записках Рус. геогр. о-ва, кн. XIII, 1859.

⁵⁶ Напечатана в Этнограф. сборнике, вып. V, 1862.

⁵⁷ Напечатана в Записках Рус. геогр. о-ва по Отделению этнографии, т. II, 1869.

⁵⁸ Труды А. Ф. Гильфердинга: «О сродстве языка славянского с санскритским», 1853; «Об отношении языка славянского к языкам родственным», 1858. Рецензии Чернышевского в I т. Сочинений, П., 1918, стр. 1—8 и 170—177.

⁵⁹ И. И. Срезневский. Разбор сочинения Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии». XXIX присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1860.

Этнография русского народа, как центральная тематика, и этнография славянских народностей за рубежом, как тематика, тесно в научном отношении смыкающаяся с первой, — такова главная линия этнографической работы в рамках РГО в 50—60-е годы.

Снята ли была тем самым тематика К. М. Бэра? Она была снята как главная и центральная (в идейной направленности Бэра) и сохранена как тематика, имеющая свое законное место в общем объеме этнографических работ в России. Краткой характеристикой этнографического изучения нерусского населения в РГО в эти годы мы и закончим свой обзор.

Вслед за программой по собиранию материалов по этнографии русского народа в 1850 г. была составлена особая программа для собирания сведений об «инородческом населении» России. В 1856 г. эту программу перерабатывали и дополняли П. С. Савельев, П. И. Савваитов и др. Для проектировавшейся в 50-х годах Камчатской экспедиции была составлена особая программа этнографических исследований особой комиссией под председательством Н. И. Надеждина, в состав которой входили К. М. Бэр, П. И. Кеппен, А. М. Шегрен, В. В. Григорьев и др.⁶⁰

IV выпуск «Этнографического сборника» (1858) сплошь был посвящен этнографии нерусского населения. В него вошли статьи о карагасах, самоедах, минусинских татарах, черемисах, материалы Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках.

Большой картографический материал о расселении народностей в России собран был П. И. Кеппеном, поставившим себе задачу нанести на карту Европейской России в губерниях с преобладающим русским населением «все поселки, занятые инородческим населением». Этнографическая карта Европейской России была выполнена Кеппеном в 1851 г., а в следующем году написана и объяснительная записка с двумя таблицами, заключающими в себе числовые данные об «инородческом населении».

Географическое общество оказало большое содействие в организации путешествия Европеуса для изучения финских племен на Терский берег. Этнографические задачи ставились и для комплексных экспедиций, организованных самим РГО. Этнографическое изучение в Хорасанской экспедиции 1858 г. проводил сам начальник экспедиции Н. В. Ханьков⁶¹. Интересные данные о туркменах собраны были в 1858 г. М. Н. Галкиным-Врасским⁶².

Отделением этнографии в 1862 г. проектировалось издание особой «Карманной книжки для любителей этнографии инородцев». Была разработана программа, которая и рассматривалась в Академии Наук особой комиссией в составе академиков Бетлинга, Видемана, Шифнера и Вельяминова-Зернова⁶³.

Но особенно большая работа в этом отношении развернулась в филиалах Общества: Кавказском и Сибирском отделах, открывшихся в 1851 г. С 1852 по 1862 г. Кавказским отделом было издано 6 книг

⁶⁰ Программа вошла в общий «Свод инструкций для Камчатской экспедиции, принятой Русским Географическим обществом», напечатанный в 1852 г. Экспедиция иначе называлась еще «Камчатско-Американской», так как проектировались работы в российских владениях в Северной Америке. Интересные материалы о разработке инструкций и планах экспедиций содержатся в Архиве Всесоюзного геогр. о-ва, дело № 9 за 1851 г., «О составлении инструкций для Камчатской экспедиции».

⁶¹ Труд Н. В. Ханькова «Mémoire sur l'éthnographie de la Perse» был опубликован в Париже в 1866 г.

⁶² Труд Галкина «Этнографические и исторические материалы по Оренбургскому краю» опубликован в 1860 г. Предварительная часть этих исследований была опубликована в т. I Записок Русск. геогр. о-ва по Отделению Камчатск. 1852.

⁶³ Архив Всес. геогр. о-ва, дело № 9 за 1862 г. «Об издании карманной книжки для любителей этнографии инородцев».

«Записок Кавказского отдела». Сибирским отделом с 1856 по 1863 г. также было издано 6 книг «Записок».

С большим сочувствием на оба издания откликнулся Н. Г. Чернышевский. В рецензии на I книгу «Записок Сибирского отдела» Чернышевский, рассказав об истории организации Сибирского отдела и о плане нового издания, отметил, что «успех других предприятий и достоинства прежних изданий Географического общества могут быть порукою» в успешности нового предприятия. «Распространение сведений о таком крае, какова Сибирь, еще мало описанная и исследованная страна с огромной будущностью впереди, есть дело, имеющее все права на внимание и сочувствие образованной публики», — писал Чернышевский⁶⁴.

За 15 лет (1845—1861) Отделением этнографии РГО пройден был большой творческий путь. Отделение этнографии явилось в эти годы основным центром организации этнографической работы в России. Десятки книг, сотни статей, многочисленные экспедиции — итог его плодотворной работы. В кипучей работе, в столкновении различных идей и взглядов пролагались пути дальнейшего развития этнографической науки, формулировались ее задачи и уточнялись ее методы. Связанное тысячью нитей с русской жизнью, с русским обществом Русское географическое общество обросло обширной корреспондентской сетью, явилось подлинным организатором этнографической работы и на местах, во всех уголках Российского государства. С большим сочувствием и вниманием следили лучшие люди России того времени за деятельностью нового научного центра. Рупор передовой общественной мысли, Н. Г. Чернышевский, как бы подводя итог десятилетней работе Общества, в 1855 г. с полной отчетливостью выразил это, отметив, что «деятельность общества, сочувствие и содействие его трудам с каждым годом усиливается»⁶⁵.

⁶⁴ Полное собрание сочинений, т. II, 1918, стр. 324—328 (рецензия на «Записки Кавказского отдела») и 578—583 (рецензия на «Записки Сибирского отдела»).

⁶⁵ Полное собрание сочинений, т. I, 1918, стр. 418—419.